

Станислав Морозов

**МЕСТЬ РАСПЯТОГО
МАЛЬЧИКА
В ТРУСИКАХ**

Основано на реальной истории

Станислав Морозов

**Месть распятого мальчика
в трусиках. Основано
на реальной истории**

«Издательские решения»

Морозов С.

Месть распятого мальчика в трусиках. Основано на реальной истории / С. Морозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905030-4

Украина, г. Славянск, 2014 год. В самый разгар неонацизма и бандеровщины в городе произошло событие, которое шокировало своей жестокостью общественность всего мира. На центральной площади карателями был распят, как Иисус, мальчик трех лет в одних только трусиках и футболочке на глазах у его матери, которую тоже позже убили, привязав к танку и сделав три круга вокруг площади. Буквально на следующий день в городе стали происходить загадочные убийства...

ISBN 978-5-44-905030-4

© Морозов С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
– Улица имени Йозефа Геббельса	8
– Казнь, распятие и трусики с маечкой	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Месть распятого мальчика в трусиках Основано на реальной истории

Станислав Морозов

© Станислав Морозов, 2018

ISBN 978-5-4490-5030-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Помню, как в июле 2014 года весь интернет бурно обсуждал очередное немыслимое зверское преступление «ужасных украинских фашистов», которые до того уже потеряли связь с реальностью, что прямо в центре Славянска прибили к доске маленького мальчика трех лет в одних трусиках и футболочке. Один держал, а трое прибивали. Помню вой своих российских соотечественников относительно киевской хунты, неонацистов, бандеровцев, укрорептилоидов и т. п. Помню, как бежали местные дурачки, алкоголики, наркоманы, ура-патриоты и весь прочий наивный биомусор после этого репортажа с одной сумасшедшей записываться в ополчение, чтобы отправиться строить священный «Русский мир» на украинскую свободную землю. Думаю, останавливаться на истории с загадочным «мальчиком в трусиках» не стоит, каждый россиянин видел этот репортаж или хотя бы слышал что-то от знакомых и соседей про «распятого, как Иисуса мальчика». Прошло уже три с половиной года с того времени, Славянск давно освобожден от террористов, прибывших из России для насильного насаждения своих духовных скреп «братскому» народу путем вандализма, мародерства, убийств, насилия и обильных обстрелов города. Прошло три года, история с «мальчиком в трусиках» давно забыта, а российский телезритель и любитель федеральной прессы все продолжает верить в сказки про «фашистов» и съедать каждый день порцию очередной новой преступной брехни. Думаю, лживая преступная машина пропаганды СМИ нашего государственно-репрессивного аппарата – это большая и серьезная тема для отдельной работы, поэтому в этой книге мы лишь попытаемся представить себе, как же бытовым россиянином, накотив после работы на кухне за «воевавших дедов», в крымнашевской эйфории, представлял себе три года назад всю эту историю с «распятым мальчиком в трусиках».

Вообще, «Русский мир» в нашем сегодняшнем традиционном понимании очень далек от чего-то русского вообще! «Русский мир», в котором русский идет убивать русского, украинец идет против украинца, – ничего общего даже просто со словом «русский» не имеет! У русских сегодня нет ни национального имени, ни национального государства, так какой «Русский мир» мы можем принести в чужой дом, не имея своего собственного? О каком «Русском мире» может идти речь, когда жертвами такого «мира» уже стали десятки тысяч русских и украинских людей? Ладно, этот момент мы также оставим для следующих книг.

Сразу хочу отметить, что даты во всей этой вымышленной истории не совпадают с реальными, ведь наша главная задача – красиво преподнести историю, а не восстановить истинную хронологию событий 2014 года в Украине. Наша задача – высмеять всю абсурдность механизма СМИ и большую фантазию наших российских сказочников-пропагандистов, которые уже многие годы без угрызения совести вводят людей в преступное заблуждение, разжигают межнациональную рознь и побуждают необразованные умы участвовать в кремлевских авантюрах. Сколько же обманутых россиян сегодня гниет в украинской земле после всех этих сказок про «Распятых мальчиков», «Изнасилованных эпилептичек», «Жаренных снегирей», «Плачущих коров», «Пьяных негров» и пр. Сколько же псевдопатриотов сейчас лежит в могилах после отравления боярышником, выпитым за «Русский мир» и сколько еще будет таких жертв, если не остановить эту лживую машину пропаганды российских СМИ.

В комментариях под видео на своем канале YouTube мне ежедневно приходится встречаться с жертвами этой пропаганды и перечитывать их гневные необоснованные обвинения в мой адрес: «Ты агент госдепа», «Сколько тебе заплатили США?», «Продался американцам», «Хочешь, что бы в России военных базы НАТО были?», «Майдана захотел?» и прочую чушь, которая ничего кроме презренной улыбки и жалости к авторам этих комментариев не вызывает. Подобные высказывания лишь заставляют меня убеждаться в том, что мы заслужили эту преступную власть в России, которую имеем сегодня. Мы заслужили того, чтобы более разум-

ные и трезвые люди правили российскими наивными Иванами. Заслужили того, чтобы быть обманутыми и остаться в конечном итоге в нищей разворванной олигархами России, продолжая ненавидеть Европу, США и весь остальной «бездуховный» мир в надежде, что следующий самопровозглашенный царь поднимет, наконец, страну с колен и вот тогда мы уж точно покажем всем свою скрепность и силу русского духа!

Я, в отличие от прокремлевских шутов, не пытаюсь ввести кого-то в заблуждение и разжечь межнациональную или религиозную вражду. Я желаю лишь показать, до какого безумия порой доходят выдумки шизофреников-пропагандистов, поднять настроение своим русским и украинским братьям, ну и, конечно же, вновь заставить «бомбить пуканы» недалеких ватников. Приятного чтения.

Все события, персонажи и мена вымышлены, все совпадения случайны.

– Улица имени Йозефа Геббельса

В городке Славянск, как раз в ста метрах от площади Ленина, проходит улица имени Йозефа Геббельса... Да, именно так. Переименована она была с улицы Северной еще четыре года назад, когда в Украине к власти пришли бандерофашисты. Под угрозой сжечь всех местных жителей, а детей их съесть на ритуальном обряде в честь Степана Бандеры, взяли, да переименовали. Ну а как им было возразить? Бандеровцы люди страшные, они и корову до слез могут довести. Бывает, какой-нибудь колдырь по-пьяне вывесит из окна российский триколор, так уже через час всю улицу, не зависимо от пола и возраста, по площади ведут людей колонной, избивают палками, одежду рвут, не редко бывало, что и насиловали... Поэтому с такими «алко-героями» местные жители старались разбираться самостоятельно и в случае очередного приступа ура-патриотизма шли и били морду, а триколор либо закапывали, либо сжигали от греха подальше. Патрули «Правого сектора» днями и ночами бродили по всему Славянску в поисках пророссийски настроенных жителей, и не дай Бог им «выпадала честь» услышать русскую речь, тогда виновнику живьем отрезали язык и вешали «преступника» на ближайшем столбе. Языки казненных карателями складывали в специальный прозрачный контейнер на площади для запугивания остального населения. В общем, не будем на этом заострять внимания. На улице той, что им. Й. Геббельса стоит одноэтажный старенький дом, в котором проживала до последнего времени семейка Булгаковых: муж с супругой, да и сынок их единственный, впоследствии ставший умственно отсталым.

На семье Булгаковых стоит остановиться подробнее, нелегкая судьба им выпала в годы разгула неонацизма в Украине. Старшего звали Андрей: здоровый был мужик, стоит отметить, лет тридцати, не глупый, открыл свою точку по ремонту мобильных телефонов несколько месяцев назад. Мастер он был на все руки, как говорится, но была одна проблема... запойный был Андрей, очень. Хорошо хоть, что мозгов хватало флаги России не вывешивать, да и флага такого у них не было. Напьется, бывает, и начинает на гитаре во дворе Петлюру орать на всю улицу им. Й. Геббельса; соседи чаще были и не против бесплатного концерта, играл Андрей хорошо, но, в запойные дни, их начинали эти пьяные околоблатные сопли люто раздражать. Подойти к нему боялись к пьяному, тут жидобандеровцы изо дня в день терроризируют, так еще и с пьяным Булгаковым связываться! Нет уж, явно желанием никто не горел. Супругу Андрея звали Марией: на вид сложно сказать, какого она была возраста, явно не старше мужа. Мария запомнилась местным жителям женщиной безумно красивой, стройной и весьма неглупой. Слишком набожная была, правда, и потому, когда бандеровцы сжигали местный православный храм – кинулась прямо в пламя, повезло, что рядом стоящий бандерлога зарядил ей прикладом автомата в лоб со словами: «Завжди знав, що москальських жінки не з розумних людей!» Тот день для Марии не задался с самого начала: вернувшись с шишкой на лбу домой вся в слезах на пороге ей повстречался Андрей и, вспомнив старые обиды, что было сил втащил ей кулаком в правый глаз: «Опять к своему богоизбранному ходила? – визжал он. – Еще мне одного Абрама принесешь, свинья?». В тот день Мария потеряла на время свою природную красоту. Вообще, Андрей любил «подмлаживать» супругу с сыном Абрамкой, то ли горячка приходила, то ли просто ему это было забавно, но это отдельная история.

«Богоизбранным» Андрей называл своего соседа напротив, с тем у него не сложились отношения еще десять лет назад, как только он переехал в Славянск. Соседа звали Тамир, противный был мужичек! Со всей улицы с ним общалась только Мария, любили они спорить на всякого рода религиозные темы, а потому, когда любимая Андрея забеременела, он тут же обвинил ее в измене с соседом: «Хватает мне и одного „богоизбранного“ на весь Славянск! – ревел он в гневе. – Еще одного, да в собственном доме я не переживу». С тех пор Андриюша и запил. Все в округе знали про эту неприятную и смешную одновременно историю, но все же

были на стороне Марии, не сомневаясь в ее верности сумасшедшему мужу. Андрей любил жену, а потому и подумать не мог, что когда-нибудь расстанется с ней, даже, если факт измены подтвердится. Когда женщина узнала пол будущего ребенка (мальчик), она, не раздумывая, заявила Андрею, что назовет его Сашей.

– Саша!? – заревел в своей привычной манере Андрей. – Не позорь мой славянский род, курица! Деда моего звали Саша, он воевал, как и все деды! За Сталина воевал, дура! Какой, к черту, Саша!? Тварь пиндосовская! – не успокаивался он. – Что бы какого-то Абрама Сашей называли... – тут он ненадолго задумался. – Точно! Назовем его Абрамкой и точка, – заключил Андрей на уверенной ноте.

– Ты в своем уме?... – но, не успела она и сказать ему что-то в ответ, как ей впервые тогда прилетело от него в голову и она свалилась на пол.

В тот момент Андрей даже почувствовал какое-то удовлетворение, что с одного удара смог ушатать человека, до этого он ни с кем и никогда не дрался. Его сердце забилося, как после недельного запоя, руки тряслись, напала сладкая лихорадка, будто после победного триумфа, когда долгое время поджидаешь удобного момента для нанесения сокрушительного удара по сопернику и такой удачный шанс выпадает. Некоторое время он просто наблюдал, как брюхастая уже на тот момент Мария сидит на попе и не может нормально подняться. Перекачивается с одной половины задницы на другую, за голову держится, да встать не может. «Ладно, ничего страшного не случится, для профилактики можно и ударить разок – оправдал он мысленно свой поступок». После чего все же подал ей руку и повторил: «дед мой Саша..., а это – Абрам, так и передай своему богоизбранному».

Мария родила спустя три месяца после всей этой истории с подбором имени их сыну. Абрамка родился здоровым ребенком и оказался очень даже похожим на Андрея, но, несмотря на это, тот все равно его не признавал.

Прошло три года с момента рождения Абрамки, когда и началась вся эта жуткая история. Ребенок рос послушным и умным, соседи и родственники не могли нарадоваться такому маленькому чуду, которое осчастливило и объединило Марию с ее родителями, с которыми она не общалась долгое время из-за ее раннего ухода из дома. Тогда Марии было всего 17 лет, когда она переехала из Киева в Краматорск к своей верующей (единственной верующей в семье) бабушке, чтобы найти единение с православной церковью. Правда, спустя три месяца ей повстречался Андрей, который затащил ее в первый раз в койку и позже увез с собой в Славянск, где они вскоре сыграли свадьбу. Смиренной и покорной была Мария, а потому и не противилась очередному переезду. И вот, спустя уже более десяти лет у них рождается замечательный сын Абрамка. Замечательный для всех, кроме самого Андрея...

Как-то вечером, изрядно выпив и листая новости про страсти Майдана в интернете, он обратил внимание, что за окном его «старый, добрый друг» Тамир играет в их же дворе с Абрамкой, а рядом заливается от смеха Мария. «Вот теперь-то точно все сложилось – пробормотал Андрей, – ни за это мои деды мои воевали! – и тут же накатил рюмку водку». По возвращении с недолгой прогулки и в явно хорошем настроении, Мария с сыном подошли к столу, за которым сидел пьяный ревнивец, чтобы пожелать спокойной ночи, – Абрамке пора было спать. Светлое настроение жены и ребенка тому явно не понравилось, и он в ярости со всей силы вlepил подзатыльник мелкому. Да так вlepил, что тот впечатался в стол и упал без сознания на пол. Марию в этот вечер он бить не стал, а просто схватил ее шокированную от увиденного за руку, вывел насильно на улицу и запер входную дверь. «А почему бы мне не расправиться теперь и с соседом богоизбранным? – мелькнуло в голове у хмельного Андрея». Правда, злomu умыслу сбыться так и не удалось, пока он синий искал топор, чтобы раз и навсегда решить соседский вопрос, сам споткнулся в темноте, ударился об дверной косяк и потерял сознание.

Очнулся Булгаков старший уже в своей постели, раздетый с перемотанной головой и, к своему удивлению обнаружил, что память со вчерашнего дня его не покинула, как это обычно бывает. Единственно, чего он не мог вспомнить, так это как же ему удалось вырубить самого себя. Совесть абсолютно не давала о себе знать: «Я раскусил их, – крутилось в голове, – теперь все встало на свои места. Может, соседushка, теперь ты признаешь своего богоизбранного сынка». В этот момент мысли прервали незнакомые голоса в коридоре; разобрать, о чем шла речь было трудно, поэтому любопытство взяло верх над похмельем и он с больной головой вышел из спальни. В коридоре у выхода стояла Мария, она как раз провожала двух врачей и закрывала входную дверь.

– Что, совсем с Абрамкой плохо? – спросил он, догадываясь, в чем дело.

– Абрам чуть не умер из-за глупой твоей ревности, идиот! – вдруг заплакала Мария, закрывая лицо руками. – Еще бы немного и... все... Если бы не Тамир, который помог мне открыть замок!

«Опять этот длинноносый Тамир – прокрутилось в голове у Андрея, – почему бы ему не уехать обратно на свою священную землю... Хотя, о чем это я, нужно же про Абрамку спросить, а то еще правда откинется».

– Так че с Абрамкой? Выпить осталось? – зачем-то добавил он, сам поняв, что сказал дикую глупость.

В этот момент из соседней спальни послышался детский плач. Это был Арбамка.

Прошло дней пять с момента неприятной встречи головы Абрамки с кухонным столом, и врачам, наконец, удалось поставить точный диагноз. МАЕЧНОТРУСЕЛЯБНЫЙ СИНДРОМ. На этом развитием ребенка резко остановилось, даже наоборот, он начал тупеть на глазах: говорить теперь он стал крайне редко и не совсем разборчиво, но самое страшное – это сам диагноз! Абрамка наотрез отказывался носить какую либо одежду, кроме маечки и трусиков, случалось так, что он вместе с ногтями вырывал со своих маленьких детских ножек носочки и начинал биться в припадках. Стоило надеть на него кофту, как он, снимая ее, оставливался на шее и пытался себя придушить. Надетые шортики или штанишки вызывали у него недержание и он, обсираясь, бегал по дому за родителями, обмазывая их своими фекалиями. Поскольку мать была слишком набожной, стоит напомнить, она тут же усмотрела в этом деле нечистых духов и окатила Абрамку ведром с крещенской водой, правда, это не помогло, почему-то. На следующий день Мария вызвала своего знакомого священника из сожженного храма, который чудом остался жив. Он, естественно, тоже все увиденное списал на проделки сатаны, прочитал молитву, перекрестил его, да и ушел. Тогда, как показалось Андрею, который был трезв уже несколько последних дней, весь этот проклятый дом сошел с ума!

Что касается бизнеса Андрея, который и так практически загнулся из-за его прежнего беспробудного пьянства, то его отжали укрофашисты. Тогда Булгаков старший решил для себя, что смысла оставаться в доме с сумасшедшими, в городе с фашистами становится невыносимо и принял серьезное решение – записаться в ополчение! Андрей пропал из Славянска в ночь с 1 на 2 июля 2014 года, с тех пор о нем не было никакой конкретной информации, никто не знал, куда он точно направился и жив ли он вообще, ходили лишь слухи; самой пространственной версией была следующая: ему удалось таки добраться до Луганска и попасть в подразделение «СвятБар» (Священный боярышник). И, уже 7 или 8 числа того же месяца, по тем же слухам, он героически погиб, обороняя аптеку где-то под Луганском. Боеприпасы были на исходе и, чтобы дать возможность уйти своим боевым товарищам, выпив все фунфырики с сомнительными спиртосодержащими веществами, со звериным воплем «За дедов, епта! Когда я пьян – я Джеки Чан! Смерть укропам!» пошел биться врукопашную с фашистской нечестью. Правда, уже на выходе из аптеки, его и подстрелили, что неудивительно... Официально эта информация никем подтверждена не была, но во всей округе о нем шептались, как

о герое, даже, втихаря, молились на его образ. Возможно, когда Славянск будет освобожден от бандеровской хунты, улицу им. Й. Геббельса снова переименуют, только уже в честь героя А. Булгакова.

Тем временем Абрамке становилось только хуже, говорил он все реже и реже, а приступы лишь усиливались. Дефект речи маленького бедного ребенка стал поводом для насмешек у более старших ребят с улицы. Бывает, играет он у себя во дворе, безобидный такой, в одних лишь маечке и трусиках играет, как подойдут к калитке подрастающие хулиганы и спросят: «А кто у тебя папа, Абрам?», тот и ответит, поступив глаза: «Мой папа – в*опучленец», и заливаются отморозки диким жестоким смехом. А как скучно станет и пройдет все праздное настроение – возвращаются и все начинается сначала. Так по несколько раз в день.

Мария же, после всех последних событий совсем перестала дружить с головой и впала в лихорадку: до Абрамки ей дела никакого не было, она считала его сыном дьявола, руки ее покрылись на нервной почве красными шелушащимися пятнами, которые она раз за разом расчесывала до крови. Круглые сутки Мария читала молитвы, в надежде, что Господь спасет этот мир от нечестии, которая превратила родную Украину в дом Антихриста, а сам Антихрист в лице ее сына за три года своего правления на земле не затмит сознание людей и все они спасутся. В общем, совсем поехала Мария на почве религиозной горячки: бывает, ходит по улице им. Й. Геббельса и спрашивает у прохожих: «В писании же сказано, что Антихрист придет на землю умным и добрым, так почему он выглядит тупым дегенератом в маечке и трусиках?». Соседи, к удивлению, отвернулись от нее, как только поняли, что с головой в этой семейке не в порядке у всех и что от них ждать дальше – страшно подумать, потому просто ее игнорировали, либо утвердительно кивали головой с натянутой глупой улыбкой на лице.

«Правый сектор»¹ и тот, патрулируя в очередной раз улицу имени известного министра пропаганды нацистской Германии, встречая на пути Марию, старались закрывать глаза на так режущую их уши русскую речь.

Семью Булгаковых оставил даже хитрый кучерявый сосед Тамир, который казался ранее Марии лучшим другом, с которым можно было поделиться любыми самыми сокровенными секретами. По его виду можно было заметить, что он даже рад такому исходу. Он с большим удовольствием наблюдал со своего крыльца, как над маленьким Абрамкой в очередной раз издевается местная шпана.

– Кто у тебя папа, Абрам?

– Мой папа в*опучленец.

И снова этот издевательский смех отморозков, наивный смех Абрамки и подлая улыбка богоизбранного Тамира.

Так начиналась история с мальчиком в трусиках и с его тронутой мамашей.

¹ здесь и далее – экстремистская организация, запрещенная в РФ

– Казнь, распятие и трусики с маечкой

Июль выдался аномально жарким, особенно одиннадцатый день месяца, который и показывал календарь, висящий над столиком в углу кухни с религиозной литературой. Календарь был достаточно редким для здешних мест, оккупированных украинскими карателями: во всю страницу «Июль» рисовалась физиономия свергнутого и бежавшего в Россию Януковича, изо всех сил пытающегося выдавить из себя улыбку «Я с украинским народом!» Время было раннее, около 6 утра. Мария стояла над кухонной плитой и варила кашу для Абрамки; по утрам на нее, как правило, не нападало лихорадочное безумие, так что ребенок от голода не страдал. В голове мелькали отрывки воспоминаний многолетней давности: мама с папой, свободный от фашистов Киев, добрейшей души верующая бабушка, церковь, молодой и сильный Андрей... Воспоминания изредка прерывались, и перед глазами возникала белая пелена и где-то сквозь эту пелену прорисовывались страшные картины, страшные события, произошедшие в последние несколько дней, сломавшие судьбы трех человек. Трех человек, которые могли бы стать счастливой и крепкой семьей, если бы не безумие, в которое впал украинский народ с приходом Киевской хунты! В такие моменты Мария начинала бить себя по щекам и рвать волосы на голове, чтобы вернуться в реальность – это нередко помогало. Геноцид русского народа в Украине сломал этот народ, он убил в любимом Андрее чувство веры и доверия. Именно потеря веры в верность супруги разрушила семью Булгаковых. Эти мысли изо дня в день становились началом новой волны лихорадки и Мария начинала безуспешно пытаться успокоить себя теплыми воспоминаниями: мама с папой, свободный от фашистов Киев, добрейшей души верующая бабушка, церковь, молодой и сильный Андрей... Воспоминания перебил знакомый до боли звук ревущего танка: «Это пьяные негры, снова пьяные негры! – сразу раздалось с больной голове Марии» и она, уронив кастрюльку с кашей, пулей рванула в комнату к Абрамке, который уже сидел, забившись в углу комнаты, поджав колени и плакал. За это время он тоже выучил этот звук и узнает его из тысячи! Мария схватила испуганного мальчишку на руки и побежала к подвалу, но в этот момент раздалась автоматная очередь, посыпались стекла и она упала на пол, закрыв собой Абрамку. Это было знакомо! Это было не впервые! Это были пьяные негры!

О! Пьяные негры прославились на всю Украину еще в апреле 2014 года. Впервые они были замечены в Дебальцево, где запугивали местных жителей с маленькими детьми своими народными танцами и наставлением дула автоматов на старушек. Зрелище, конечно, не из приятных: один отбивает ритм на там-таме, сидя на танке, трое остальных дергаются в ритме и палят с автоматов куда придется. Приехали они, как известно, с Малави на заработки наемниками и очень за короткий срок пристрастились к алкоголю. Не секрет, что в африканских странах остро стоит проблема с нехваткой питьевой воды, а тут вам и вода, и алкоголя, сколько душе угодно! Вот и веселятся танцующие ребята на танке под украинским флагом. Ближе к весне того же года их перебросили в Славянск для т.н. защиты украинского населения от российской оккупации. Возможно, и не со зла эти африканские парни ведут себя таким образом, но как только местные слышат рев танка и звуки там-тама – не раздумывая бегут прятаться в подвалы своих домов. А то еще пальнут из танка на пьяную голову...

Звук двигателя танка стал отдаляться, автоматные очереди утихать, а Мария все еще лежала на полу, прикрыв собой Абрамку и неизвестно, сколько бы они еще провалялись в таком положении, если бы не голос ребенка:

– Мама, я тебя люблю, мама, а где наш папа в*опучленец?

– Папа скоро вернется, – сквозь слезы прошептала Мария и еще сильнее прижала к себе маленького Абрамку, – скоро он вернется, и мы уедем в поднимающуюся с колен Россию.

В этот трогательный до слез момент послышался звук отворяющейся входной двери, послышались тяжелые медленные шаги по коридору. Сначала неизвестный прошел на кухню, Мария догадалась: либо это был солдат украинской армии, либо обычный боевик «Правого сектора». Женщина отчетливо слышала, как каратель с ненавистью сорвал календарь с Януковичем и как перевернулся столик с важными для нее книгами. Мария стала слезно молиться, но вновь послышавшиеся шаги перебивали в ее голове собственный голос. Страх, окутавший бедную молодую маму, словно остановил время, словно вечность прошла, пока неизвестный проделывал путь всего в несколько метров от кухни до их спальни. Очнулась она от звука затвора... Медленно подняв голову Мария увидела перед собой молодого человека, лет восемнадцати, в камуфлированной одежде и с красно-черным шевроном на левом рукаве. Он кинул к ее лицу тот самый опасный календарь с глупо улыбающимся Януковичем и приставил дуло автомата прямо ко лбу Абрамки.

– Я не вбивця, я солдат! Але наступного разу я цього вам не прощу – тихим голосом проговорил молодой человек.

– Спасибі, спасибі вам! Хай береже вас господь! – с трудом смогла выговорить Мария и разрыдалась еще сильнее.

Раздался резкий звук выстрела и с полочка посыпалась штукатурка.

– Я не раб божий, я – син богів! – продолжил незнакомец. – Вставайте, на площі починається збори. Хто з жителів не з'явиться – того публічно розстріляємо, сьогодні ми змусимо вас поважати український рейх, – закончил он и такими же медленными шагами удалился на улицу.

Мария прекрасно понимала: если не выполнить указания представителей новой власти Украины, то уже сегодня вечером они расстреляют всех жителей улицы им. Й. Геббельса. Нужно было торопиться. Быстро умывшись от слез и немного приведя в порядок Абрамку, они поторопились выйти на улицу. Выбирать наряды для такого собрания ни времени, ни толку не было, Мария была одета в обычный повседневный халатик, а бедный ребенок, понятно – в маечке и трусиках. Из соседних домов также выползали напуганные до смерти соседи, люди старались не смотреть друг другу в глаза: стыдно, страшно и стыдно, осознавать, что сегодняшней день без крови не пройдет. Но чья это будет кровь? Возможно, совершенно незнакомого человека с другого конца города; возможно, твоего близкого друга или родственника. Потому и стыдно смотреть в глаза другим людям, раз ничего изменить и предотвратить ты уже не можешь. Пройдя буквально чрез тройку домов дальше по улице, народ мог наблюдать достаточно забавную картину: пьяные негры, не справившись с управлением, на танке снесли забор жилого дома, врезались сарай и заглохли. Пьяны они были настолько, что уже не соображали, как заново завести их любимую карету. Африканский музыкант валялся на траве возле танка, барабанил в там-там (с ним он никогда не расставался) и ревел, что было сил: «Малавия – це Європа! Малавия – це Європа! Слава африканської нації! Смерть ворогам!», остальные же его товарищи просто чесали затылки в раздумьях, как же завести танк, без него они как без рук! Мария крепко вцепилась в руку Абрамки и старалась не думать о плохом, уже практически в конце улицы народ наткнулся на пару десятков фашистов, построенных в ряд и поющих гимн Украины. Просто пройти мимо было опасно для жизни, поэтому все останавливались рядом и неохотно подпевали укробандеровцам

Спустя пару часов весь народ наконец-то собрался на площади Ленина: десятки тысяч дрожащих жителей со страхом и любопытством ожидали неизвестного. У многих сдавали нервы, они шептались между собой: «Пусть лучше сразу нас расстреляют, ожидание смерти хуже самой смерти – говорили одни», «Я так больше не могу, у меня же дед воевал, – повторяли вторые», «Не мучайте нас, Христа ради, – обращалась к военному одна бабка, – внучки, оставьте нас, Богом молю!». Бабке, правда, сразу прилетело в старую тыкву прикладом автомата. Через несколько минут стало ясно, что бабушка скончалась, к ней подошли два здоро-

венных хлопца в балаклавах, взяли подмышки, оттащили в ближайшую канаву, где рабочие меняли трубы, туда же и сбросили. Впереди, на самой площади уже построилось несколько сотен военных с шевронами «Азов» на рукавах.

– Україно, Свята Мати Героїв, – послышался голос впереди стоявшего карателя – командира батальона.

– Україно, Свята Мати Героїв, – продублировали сотни отбитых на голову неонацистов.

– Зійди до серця мого!

– Зійди до серця мого!

– Прилинь бурею вітрів кавказьких! – с еще большим энтузиазмом прокричал командир.

– Прилинь бурею вітрів кавказьких!

«Гимн украинского националиста, – подумала про себя Мария, – значит, сегодня начнется зачистка, о которой так долго шептались между собой жители». Шокированная с самого утра Мария уже не казалась больной религиозным фанатизмом, шалости пьяных негров, убитая на глазах у нее старушка и страх потерять ребенка, вернули ее к реальности. Материнский инстинкт. Абрамка же смиренно стоял и смотрел, будто сквозь ноги смотрел впереди стоявшего молодого человека. Чувствовал, видимо, лучше своей матери, что сегодня придет их конец.

– Свята!

– Свята!

– Могутня!

– Могутня!

– І Соборна!

– І Соборна! – закончили молитву нацисты батальона «Азов».

В это время послышался вдали знакомый всем рев танка и ритм там-тама... К всеобщему удивлению пьяным неграм удалось все-таки завести их карету и приехать к самому представлению. Украинские каратели закрывали глаза на все косяки своих африканских соратников: на неисполнение гимна Украины, на бестолковую езду по городу круглыми сутками и на их беспробудное пьянство. Для них они были как шуты, как клоуны, на фоне которых остальные жидобандеровцы выглядели вполне себе серьезными арийскими воинами. Танк чуть не въехал в толпу и остановился в одном метре от скопления людей, а те смеются, танцуют, как обычно, правда, не стреляют, понимают, видимо, что это уже будет лишним и их самих тут же накажут. Не все, значит, мозги еще пропили.

Спустя небольшой промежуток времени, вся затихшая от страха топа, вдруг начала суетиться, ахать, охать, интерес людей, стоявших сзади общего скопления людей просыпался более остальных: «Ведут, кого-то ведут, – слышалось со стороны передних рядов». Мария, благо, была женщиной достаточно высокой для того, чтобы встать на носочки и разглядеть хоть что-то, что так заставило людей взволноваться. И правда, с другого конца площади вели человека небольшого роста в оранжевой робе, руки были связаны за спиной, а на голове надет мешок из под картошки. «Не к добру это все, – подумала Мария, – если этот человек заслужил публично казни, значит, сегодня прольется еще немало крови». Опознать человека пока что не представлялось возможным, во-первых: расстояние приличное, во-вторых: мешок на голове не выдает никаких опознавательных знаков, но, несмотря на это, люди все равно толкались, опирались друг на друга, наивно пытаясь определить хоть какие-то знакомые внешние признаки бедолаги. Наконец, пленного довели до места, где раньше красовался памятник Ленину, который не так давно снесли, и где на днях планировалось установить бюст Адольфу Гитлеру. Расстояние до Марии с Абрамчиком оставалось довольно приличным и расслышать, о чем говорил командир батальона «Азов» было нелегким. Спустя пару минут пламенной речи и бурной жестикуляции заиграла музыка, это был уже всем знакомый в городе марш «Wiking Devison», под который медленно из-за спины приговоренного стал подниматься

флаг Вермахта. Наконец, с человека в оранжевой робе сняли мешок... «О, Боже, вскрикнула Мария, – это был Тамир». Вместе с Абрамчиком они стали протискиваться все ближе и ближе к месту предполагаемой казни. Мария, к сожалению, не помнила ничего относительно хитрого Тамира из-за пребывания в несколько дневной горячке и, естественно, была не в курсе того, как тот усмехался над болезнью ее сына.

Старый Азовец выступил с очередной пламенной речью, из которой всем стало понятно, что же такого паршивого натворил богоизбранный Тамир, раз заслужил кровавого представления на весь Славянск. Правда, вид у него теперь был далеко не представителя богоизбранного народа. Да и все следы его гордой мудрости куда-то бесследно исчезли. А дело заключалось в следующем: за первый год войны украинские каратели отличались крайне агрессивными, смелыми и, порой, вовсе неадекватными поступками на поле боя. И дело тут вовсе не в их арийский генах, не в крови викингх, а в потере инстинкта самосохранения и ясного мышления. Это прекрасно понимали командиры карательных батальонов и пристращали своих бойцов к хроническому алкоголизму. Хронический алкоголизм, как известно, – основной движок агрессии. Ну а наш хитрый длинноносый Тамир всегда отличался своей предприимчивостью, и как только ему удалось войти в доверие к местному начальнику ВСУ несколько месяцев назад, – он тут же предложил свои услуги кависта. Не на альтруистских началах, естественно. Уж сколько и в каких объемах алкоголя он умудрился продать за последние месяцы бандеровцам – остается загадкой. И как вообще «богоизбранный» вошел в доверие к нацистам? Поначалу дело шло более чем хорошо: одурманенные каратели в открытом поле прыгали на танки, пихали кулаки в дуло, пытаюсь остановить снаряд, вторые – отрезали головы пленным ополченцам, насаживали их на штыки для устрашения и шли в бой, третьи, сами попадая в плен, отгрызали себе руки, чтобы освободиться от наручников и нападали на вертухаев-сепаратистов. В общем, руководство карательных отрядов было просто в восторге от волшебного бандеро-эликсира и даже обещали Тамиру, что закроют глаза на его богоизбранное происхождение и после войны наградят его медалью «За брагу». Но, неделю назад у Тамира, видимо, проснулся дух его исторических предков и зов крови. Никто и не понял поначалу, что вообще происходит: отвага и безумие когда-то примерных бойцов превратилась в самый настоящий цирк. Один из карателей, например, был замечен ночью бегущим голышом по площади и вскидывающим правую руку. Еще один, – на местном кладбище разрывал руками могилы с криками «Адольф прокинсья, москалі наступають!»; многие начали дезертировать, а значительная часть лучших военных оказалась в психиатрических больницах. Дело раскрыли быстро: отправили последнюю партию элитного Тамировского алкоголя на экспертизу, где обнаружили в напитке вещество под названием «Зигаметкоин», который при смешении с алкоголем и вызывал такую бурную реакцию. «Зигаметкоин» стоил для Тамира копейки, а прибыль увеличилась процентов на двадцать. И вот стоит теперь он на коленях перед всем Славянском, понимает, что убью из-за его жадности десятки невинных людей, но раскаяния нет в глазах, страх за свою ничемную жизнь у таких сильнее раскаяния и сострадания. Кажется, дай ему сейчас автомат и он, лишь бы спасти свою шкуру, сам лично расстреляет все мирное население города.

Пришло время расплаты. Тамиру развязывают руки, кладут на специально приготовленный для пыток металлический столик и крепко закрепляют в районе локтей. Старый Азовец вытаскивает остро заточенный для таких дел топорик... Все понимают, что сейчас произойдет, для жидобандеровца мало просто убить человека, даже не виновного, нужно сделать из него жертву Фюреру. Тамир весь побледнел, задрожал, казалось, хотел он что-то сказать перед тем, как лишится своих жадных до ужаса рученок, да страх сковал все мышцы его лица. И тут он увидел в толпе плачущую Марию с Абрамкой, обрадовался гаденыш подлый и как завизжит по-свинячьи:

(Далее будет использована только русская речь. Прим. автора)

– Товарищ майор! Товарищ майор! Помилуй Тамира, я знаю, кто тебе нужен! Не я тебе нужен, товарищ майор, – рыдал жалкий бледный Тамир, – они тебе нужны, они! – закивал он своей кудрявой головой в сторону Марии с сыном. – Твои солдаты оправятся, выздоровят, а многие ведь и не вернутся домой... она тебе нужна!

– Говори! – буркнул суровый майор.

– Муж-то у нее... муж-то у нее, в*опучленец! Предал народ украинский! Знает она больше, чем вам кажется, майор... Знает, где сепаратисты сидят, да замышляют уничтожение нашей священной Украины... – снова забыл о своих исторических корнях Тамир. – Твои солдаты поправятся, «Зигаметкоин» завтра оставит их болезни, а других ведь убьют оккупанты, все она... все она, проклятая... знает все...

– Приведите мне сюда ту трухлявую каргу! – майор ткнул пальцем на старушку рядом стоящую с Марией.

«Вот ведь черт носастый, – подумала про себя Мария и сжала еще сильнее ручку маленького Абрамчика».

Старушку лет семидесяти в грубой форме притащили к майору и поставили на колени лицом к беспомощной толпе.

– Слышала что? Что знаешь про эту барышню с москальской личинкой?

– Да и знала бы – не сказала! Мы русские – с нами Бо...

Послышался выстрел, – стрелял майор, – мудрые многолетние мозги старухи размазались около Тамира на асфальте. Бог, видимо, не слышал ее в этот момент. Тело оттащили в ту же канаву, где трубы меняли.

– Что ты молчишь, Мария! – заскулил снова Тамир. – Смотри, что ты натворила! Довольна? Не достаточно тебе смертей наших отважных украинских солдат и слез арийских матерей?

Мария была в ступоре, она не могла ни говорить, ни пошевелиться. Конечно, понимала она, что не виновата в трусости своего «верного» соседа, не виновата в том, что Россия бросила русскоязычных здесь, в Украине и не ввел Путин то, что обещал ввести, обещал бороться за русский народ. Но как же Абрамка, теперь ведь убьют мальчика в трусиках на глазах у тысяч таких же невинных детей. Абрамка тоже все понимал и со смирением смотрел в глаза приближающейся казни. В реальность Мария вернулась от того, что кто-то резко дернул ее за левое плечо, а из правой руки с болью ускользнула маленькая ручка мальчика в трусиках. Она пыталась кричать, возможно, даже и кричала, в такой момент вряд ли она могла выдавить из себя что-то внятное. Двое молодых парней в камуфлированных штанах и черных куртках тащили Абрамку в сторону предательски напуганного Тамира. Мария, немного собравшись, попыталась укусь за руку укрофашиста, но тут же почувствовала сильный удар в тыкву, кто-то из военных шандарахнул ей прикладом в затылок... в глазах потемнело и она выключилась... последнее, что она смогла услышать: «Мама, я люблю тебя, где же наш папа в*опучленец? – кричал Абрамка». Он не плакал, он со смирением принимал все происходящее и просто искренне не понимал, где же его папа-алкоголик – Андрей Булгаков.

Испуганный народ наблюдал, как мальчика трех лет в трусиках и маечке фашисты тащат на казнь, публичную казнь, бандерам нужно показать всем, кто здесь власть и что случается с теми, кто решит идти против их системы. Но, человек на то он и разумный, что в первую очередь дорожит собственной жизнью, а кто готов геройствовать и подставлять свою голову под удар палача в попытках спасти чужую жизнь – либо отбитый кретин, либо обезьяна, которая не достаточно эволюционировала, чтобы называться человеком. Домашнее животное, собака например, будет защищать хозяина ценой собственной жизни, но это не делает ее героиней, ей движут инстинкты, – человеком должен двигать разум. В противном случае весь этот разум будет размазан на асфальте, как мудрые мозги тот бабушки, с которой Бог. Вот и люди теперь стоят, беспомощные люди, стоят и дрожат от страха, не от того страха, что сейчас будут казнить

ребенка, а от страха, что они будут казнены следующими. Разум просыпается в такие моменты. Вооруженные люди – все герои, а стоит попасть такому герою в безвыходное положение и разум даст знать о себе, а если не даст... либо этот «герой» отбитый кретин, либо обезьяна.

– Посмотри, Абрамчик, тебя же Абрамчик зовут, правильно? Посмотри на эту дрожащую свинью, – обращался майор к мальчику в трусиках, показывая на Тамира – посмотри, какая воля к жизни! Как думаешь, заслуживает ли его поступок прощения, а Абрамчик?

– Мой папа в*опучленец!

– Ахахах... – майор искренне засмеялся, – сержант, принеси Абрамчику какие-нибудь штаны, что ли, не должен же ребенок перед богоизбранными в одних трусах стоять, правильно Тамир?

– Товарищ майор! Товарищ майор! Ну, я же... я же все ради Украины, ради Украины... они же сепаратисты... Слава Украине! Ще не вмерла України... – завыл бледный Тамир.

В этот момент майор резким движением взмахнул топором и оттяпал левую жадную руку длинноносого труса. Завыл Тамир, да так завыл, что сам майор, прошедший не одну горячую точку, вздрогнул. В этот момент, рядом стоящий боевик «Правого сектора» не растерялся, зажег фаер и засунул придурку в рот. Фаер дело горячее, в прямом смысле этого слова, Тамир пару раз дернулся, глаза из орбит повылазили, и испустил дух. Скинули его в ту же канаву к бабкам, где трубы чинят. После захоронения богоизбранного с мудрыми старухами прибежал подчиненный сержант, он таки откуда-то притащил детские штанишки и они с майором, дабы показать себя добросердечными, на виду у всех жителей начали напяливать их на Абрамку. Вроде бы все и получилось, да вот только у Абрамки начался МАЕЧНОТРУСЕЛЯБНЫЙ ПРИСТУП: естественно он обделался и давай мазать майора своим дерьмом. Сорвал с себя штанишки и швырнул под ноги сержанту. Народ ахнул, майор рассвирепел!

– Ах, ты, маленьких москальский выродок! Я был к тебе добр, я хотел оставить тебе жизнь и позволить насладиться временем становления Четвертого Украинского Рейха! – майор схватил его за волосы и немного приподнял над землей. – А теперь я достаиваю чести всех жителей Славянска лицезреть настоящее шоу и ритуальное жертвоприношение!

– Сержант, принеси мне сюда гвозди, кувалду и священный портрет нашего великого австрийского художника! – продолжал кричать он. – Слава Украине!

– Героем слава! – поддержали сотни возбужденных бандерофашистов.

Потащили бедного мальчика в одних трусиках и маечке чуть подалее от центра площади туда, где располагались доски объявлений. Это были большие массивные деревянные щиты, на которых можно было встретить объявления любого характера, от «Куплю носки, снятые с мертвого русского» и заканчивая «Продам систему ГРАД». Эти объявления никто и никогда не читал, поскольку их тут были тысячи и ежедневно поверх старых клеились сотни новых. Досками не занимались последние два года, вот майор и придумал, как привлечь к ним внимание общественности, а заодно и новое значение. Несмотря на то, что все прекрасно понимали, с какой целью мальчика в трусиках ведут к этому месту, некоторые все же умудрялись протиснуться и наклеить свое новое объявление. Вот пожилой мужчина, смачно харкнув на листочек, закрепляет его поверх какой-то афиши, вот девочка лет десяти клеит объявление «Расия вперед» и тут же получает тяжелым берцем по хрупким ребрам.

Прошло минут двадцать после неловкого момента с элементами фекального шоу, как народ, наконец, организовался и окружил рекламные стенды. Большую часть людей все же распустили по домам, чтобы не мешались, увиденного сегодня им было достаточно на долгое время, чтобы даже думать боялись что-то скрыть или пытаться утаить от нового бандеро-государственного аппарата. Главная цель любого диктаторского режима – запугать людей до животного состояния, запугать не отдельно взятого человека, а именно группу людей ограничением свободы и публичным убийством им подобных. Оставшихся взяли в оцепления вооруженные солдаты и активисты под красно-черными знаменами. Мальчик в трусиках и маечке стоял

на всеобщем обозрении и до сих пор не проронил ни слезы, плакали остальные, плакали даже взрослые мужики.

– Ну что, Абрамчик, вот сейчас как раз самое время срать! – заревел майор и сам же закатился от смеха.

– Товарищ майор! Все готово, все принес, – сержант появился как-то неожиданно, – разрешите мне исполнить...

– Подожди, – перебил его майор, – приведите сюда его мать. – А ты, хлопец, да, ты, подойди-ка сюда, – обратился он к рядом стоящему молодому пареньку, держащему красно-черный флаг.

Парню этому было всего семнадцать лет, Тимофеем звали, месяц назад он закончил строительный колледж и, посмотревшись роликов в интернете с факельными шествиями националистов, от безделья пошел, да записался в «Правый сектор». А через полгода, по совершеннотею планировал идти в АТО, правда, вся правая романтика для него закончилась в этот день, ничего вернуть назад уже было нельзя.

– Да, товарищ майор! – обратился он к испачканному в фекалиях мальчика офицеру.

– Смотри, знаешь его? – майор протянул к Тимофею портрет австрийского художника.

– Так точно! Слава Украине! – парень вскинул правую руку.

– А теперь я обращаюсь ко всем вам! Сегодня мы принесем в жертву этого непослушного мальчика в трусиках и маечке нашему великому австрийскому художнику и искусному газовику! И я рад поручить исполнение этого ритуала моему молодому соратнику... как тебя зовут, солдат?

– Т-т-тимофей... – стал заикаться и бледнеть юный фашист.

– Моему соратнику Тимофею!

– Оставь, оставь моего мальчика в трусиках! Абрамка! – вдруг очнулась Мария. – Ты, жирный фашистский ублюдок, оставь его!

Марии зарядили еще разок по кумполу, в этот раз не так сильно, чтоб не потеряла сознание и могла лицезреть весь процесс казни. Ее придерживали два здоровых лба в балаклавах.

– Держите его и давайте на доску! – приказал майор соратникам Тимофея. – Крепче держите, а то и вас обгадит, – снова раздался тупой хриповатый громкий смех.

Абрамку схватили и со всей дури шандарахнули об один из рекламных щитов. Он не сопротивлялся и до сих пор не подавал вида страха, возможно, это все, конечно, его страшный диагноз, от которого жутко он оступел. Боевики «Правого сектора» подняли мальчика в трусиках за руки... Тимофею с каждой минутой становилось все хуже, но облажаться перед соратниками было нельзя, нельзя не из-за позора стать объектом насмешек друзей и арийских украинских девушек, а из-за страха в ту же минуту поменяться местами с Абрамкой. Он и не заметил, как майор сунул ему в руки небольшую кувалду с гвоздем, не заметил, как медленными шагами он стал приближаться к ребенку; лишь сквозь гул в голове иногда слышалось: «Давай, Тимоша, смерть москалям», «За фюрера, распни его», «Распни мелкого обосранца, Тим»! Левую руку Абрамки уже крепко зафиксировали, ее помогал держать какой-то вызвавшийся доброволец.

– Что медлишь, давай помогу, первый раз всегда стремно, – предложил свою помощь соратник, взял гвоздь и приставил его к маленькой ладошке мальчика в трусиках, – давай, засандаль, как следует. Только пальцы не отбей мне.

Напавший жар мешал Тимофею собраться с мыслями и сосредоточиться на гвозде, сквозь туман он видел звериные лица своих соратников, их дьявольские улыбки и жажду крови; вдруг ему стало противно от всего этого, появилась тошнота, он было дело уже замахнулся, да обморок одолел его окончательно. Юноша свалился без сознания.

Никто над Тимофеем смеяться не стал, понятно дело, убить ребенка в 17 лет – дело не из легких. На смену вышел более опытный правосек, известный, стоит отметить, в округе

правосек, вечно дышавший на всех перегаром. Как выяснилось позже, – это он голый бегал по площади и вскидывал руку нацистском приветствии, а клин клином вышибают, так что уже на следующий день он вывел из организма «Зигаметкоин» всего парочкой банок пива. Его настоящего имени никто не знал, а сам себя он просил называть Николой. Никола отличался отличным чувством юмора, физической силой и невероятно стойкой печенью. Редко, когда он соглашался лично казнить людей, все зависело от настроения, как правило Никола просто выходил на площадь, колотил виновнику рожу и уходил дальше пьянствовать, не дожидаясь конца судилища (позывной «Коловрат», неоднократно участвовал в боях в зоне АТО). Он поднял упавшую у Тимофея кувалду вместе с разбросанными гвоздями, плюнул в лицо мальчику и со словами: «Никогда не любил детей, но всегда любил кровь российских личинок» приставил гвоздь к ладонке Абрамки, размахнулся и огрел мальчика по пальцам, промахнувшись мимо гвоздя. Два детских пальчика оказались расплюснутыми и переломанными на правую сторону.

– Мама, мамочка! Я люблю тебя, где наш папа в*попучленец!?! – закричал Абрамка и, наконец, разревелся.

– Да что ты за мальчик, сука, такой! – заревел Никола, откусил подушечку указательного сломанного пальца и прижег свежую рану только что закуренной сигаретой. – До свадьбы заживет.

Мальчик в трусиках немного успокоился, видимо, из-за болевого шока.

– Светозар, иди сюда, Светозар, иди, забей, а то я слишком пьян сегодня... – окликнул Никола своего боевого товарища.

Светозар вышел с превеликой радостью, особое довольство ему приносили пытки пленных ополченцев, если даже в этих пытках не было никакой надобности. Было ему 30 ему от роду, и за эти годы он показал себя настоящим садистом. «Старик Адольф был бы мной доволен, – любимая фраза этого зверюги». Он спокойно взял гвоздь и, насвистывая гимн УПА, не спеша стал забивать гвоздь в изувеченную руку мальчика в трусиках. Абрамка еле шевелил еще оставшимися целыми, но уже онемевшими пальчиками и стискивал зубы от явно неприятных ощущений.

– Готово, сопляки, – подчеркнув свое непоколебимое спокойствие, закончил Светозар.

Абрамку перестали держать, и он остался висеть на одной ручке на доске объявлений. Если бы у него еще остались силы терпеть все истязания, то он без проблем мог бы встать на носочки, что значительно облегчило бы его страдания.

– Учитесь, кретины! Вот настоящий воин, всегда им гордился! – захрипел майор, залипший на какое-то время от довольства. – Ну что, кто следующий выйде...

– Майор, обижаешь, – не дал договорить громила в майке «SS».

– Аааа, Михайло! Как же я мог забыть про Михайло! – обрадовался как ребенок майор.

Людям вокруг становилось дурно на глазах. Кого-то рвало, кто-то падал в обморок, а третьи просто наблюдали уже с равнодушным взглядом: крыша едет у человека в такие моменты быстро. Некоторые не выдерживали и начинали бросаться на вооруженных боевиков, исход понятен – яма, где рабочие меняли трубы, пополнялась все новыми и новыми трупами. Вернемся к Михайло.

Михайло – здоровенный детина двадцати шести лет, десантник. Сам родом из Москвы, где после армии пять лет проработал охранником в Новоспаском мужском монастыре. Подробнее о его прошлом мы еще узнаем. Михайло с честью перенял от Светозара молот справедливости, взял поудобнее в правую руку, – правая рука у него была аномально сильной, то ли в десанте так тренируют, то ли это из-за долгого отсутствия самки, – поднял вторую кисть мальчика и всего с одного удара загнал гвоздь до самого конца, умудрившись раздробить косточки кисти так, что это было заметно наблюдавшим из пятого ряда. Распятие мальчика в трусиках фашистами было завершено, людей отправляли по домам, напоминая, что их ждет

такая же участь, если станут мудрить. Товарищ майор, он же командир местного батальона «Азов», не мог нарадоваться тому, что уже раз в пятнадцатый проявил смекалку и снова креативно подошел к своей работе. Ему нравилось наблюдать за реакцией людей, за зрителями, которые превращались в его верных рабов, не смеющих и взгляда косога кинуть в его сторону. Майор хвалил Николу, Светозара и Михайло за отлично выполненную ими работу, даже Тимофея похвалил: «Ничего, сынок, из тебя в любом случае получится отличный каратель, с нами австрийский художник».

Спустя тридцать минут, к всеобщему удивлению, Абрамка так и не откинулся, а все вертел головой и бубнил про «в*опучленца»:

– Мама! Мамочка, я люблю тебя, где же наш папа в*опучленец?

Мария лежала недалеко, всего в метрах четырех от доски с объявлениями, точнее, уже доски с ее сынком. Она давно была в сознании, она за всем наблюдала спокойно, с христианским смирением; не было сил бороться, она слишком много пережила за последние дни: и потерю мужа, и лихорадку, и горячку, а теперь еще и смерть Абрамки. Сложно сказать, что творилось в голове у этой бедной женщины с улицы им. Й. Геббельса.

– Прости, Абрамка, в*опучленец больше не вернется, никто больше не вернется... – вдруг вырвалось из ее уст.

– Ах ты, черт тебя подери, я про тебя совсем и забыл! – снова завелся майор. – У меня есть отличная идея, мужики, давайте кончайте с сопляком и ждите меня.

Никола с детской радостью схватил кувалду и с глупой пьяной улыбкой как трахнул по голове Абрамке – та и раскололась на две части. Больше Абрамка не будет звать никакого в*опучленца. Мария, наконец, закрыла глаза и тихо заплакала. Через пару минут к рекламным щитам подъехал танк с пьяными неграми под звуки там-тама, – майор так распорядился. Марию привязали за руки к танку.

– Давайте, мужики! Украина и Малавия – братья навек. Одна кровь, одна вера! – веселился майор. – Давай три круга ее вокруг площади и по домам.

Пьяные негры с радостью приступили к исполнению приказа. Нужно отметить, что один круг вокруг площади – один километр. Мало кому понравится такая процедура. Мария потеряла сознание практически сразу, как только танк тронулся. Никола достал свой мобильный телефон и все три круга снимал видео для своей коллекции: «Внукам покажу потом своим, – хвастался всем вокруг». Негры едут пьяные, веселятся, танцуют на танке, стреляют в воздух, а Мария волочится за танком и потихоньку стирается об асфальт, нигде такого не увидишь, кроме как в Славянске. На втором круге уже были видны явные следы крови, а на третьем и кусочки мозгов молодой мамы. По завершении всего представления майор все же дал добро похоронить Марию и Абрамку на местном православном кладбище, настроение у него было в тот день отличное.

В этот же вечер на улицу им. Й. Геббельса нагрянули боевики «Правого сектора», чтобы обчистить дома покойных: богоизбранного Тамира и семьи Булгаковых. С ними был и Тимофей, ему было ужасно стыдно за свою слабость, он корил себя за то, что не мог забить обычной гвоздь: «Ведь все равно же его бы убили, что я терял в тот момент? Нет, его уже убили, что случилось бы с того, что я принял бы в этом участие... трус, трус, – уже несколько часов убивался бедный Тимофей, – стоило же просто пару раз ударить молотком, теперь, видимо, за глаза называют меня тряпкой, а еще хуже – кацапом, каким-нибудь». Сначала группа боевиков ворвалась в дом к Тамиру, им всегда было интересно, как живет этот народ. Но, ничего интересного найти не удалось, кроме самогонных аппаратов и пары фляг с ««Зигаметкоином». Хитрый носастый черт даже деньги из дома куда-то умудрился перепрятать перед смертью, как чувствовал. А пока группа из четырех человек все еще рыскала по дому Тамира, в надежде найти хоть какие-то гроши, Тимофей пошел к дому Марии, он еще не отошел от предобморочного состояния и голова немного кружилась. На некоторое время остановился отдышаться у самого

входа, рядом с песочницей, где над Абрамкой издевались старшие ребята. Тимофей знал эту историю, поскольку сам лично в качестве стажера несколько раз бывал на улице им. Й. Геббельса в патруле. Зайдя в дом, он увидел на кухне сваленный столик с книгами Марии, кашу, разбрызганную по полу, в комнате лежал календарь с Януковичем, везде валялись осколки от разбитых окон, а около детского стульчика лежала распечатанная фотография с еще годовалым Абрамкой и Марией. Да, Мария была бесконечно красивой женщиной, не будь она размазанной сейчас по асфальту на площади Ленина, он бы, наверное, попытался за ней ухаживать. Такие мысли промелькнули теперь в его голове, как вдруг из соседней комнаты он услышал слабый скрип кровати. Это была комната Андрея и Марии... Тимофей старался не верить в мистику, но на минуту подосрал парень конкретно: какое-то время он боялся просто пошевелиться. «Ну, я же в «Правом секторе» посмертно, – успокаивал он себя, – со мной австрийский художник!», на этой ноте, собрав всю волю в кулак, он резко встал и уверенно зашагал в соседнюю комнату, при этом наложив кучу кирпичей. Войдя в самую комнату, стало немного легче: и правда, никаких призраков там не было, одни иконы и нестиранные труселя распятого мальчика. Только лишь одна икона упала со стены на кровать, – это была икона Божьей Матери. Тимофей поднял ее и побледнел, за стеклом в рамке на самом образе красным было, как бы неестественно накарябано: «Мы вернемся за вами! Ваши трусики!». Тимофей швырнул икону в угол комнаты и рванул со всех ног к выходу, врезался в коридоре в своих соратников, от чего еще больше, мать его, обделался! Как он выбежал из дома Марии и как добрался до своего, Тимофей так и не смог вспомнить. Только его соратники по движению потом рассказывали, что бежал Тимоша, да кричал, как будто призрака увидел: «Трусики! Они вернутся за нами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.